

The role of paremia in literary texts of different historical periods

E. I. Beglova¹

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-88-101

Research article
Full text in Russian

The object of the study was phraseological material consisting of proverbs and sayings used in works of art of various types and genres by writers and poets who wrote in different periods of the development of Russian society. The subject of the study were proverbs and sayings referred to by the term «paremia». By the method of continuous sampling, proverbs and sayings from the works of fiction of Russian writers and poets of the XIX–XX centuries, in particular from the poetic texts of A. A. Akhmatova, were selected. In the process of studying the paroemias, their semantic, contextual and functional analysis was carried out, during which the main functions were identified: characterological, emotional, axiological, euphemistic, the function of stylizing the character's speech. It is established that paroemias are used mainly in the speech of characters in both conventional and modified forms, demonstrating the social type of the hero, his temperament, attitude to life. Being used in the speech of the heroes, the paroemias testify to their wisdom, life experience, as well as the difficulties of peasant life and their overcoming by man, which is the traditional role of paroemias in artistic and colloquial speech. It is demonstrated that parodies in the texts of different writers often receive a contextual meaning, which shows the innovation of writers in the use of parodies, which, in turn, is characteristic of literary texts when solving certain tasks by the author.

Keywords: paremia; proverb; saying; semantics; prose text; poetic text; connotation; context; function

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Beglova, Elena I.	E-mail: beglova-elena@yandex.ru ORCID iD: 0000-0002-3208-0549 D. Sc. (Philology), Professor
-------------------	--

For citation: Beglova E. I. The role of paremia in literary texts of different historical periods // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2025. Vol. 11, No. 1. P. 88-101. (in Russ.)

Роль паремии в художественных текстах разных исторических периодов

Е. И. Беглова¹

¹Нижегородская академия МВД Российской Федерации, Нижний Новгород, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-88-101
УДК 81.37

Научная статья
Полный текст на русском языке

Объектом исследования послужил фразеологический материал, состоящий из пословиц и поговорок, использованных в художественных произведениях разных видов и жанров писателями и поэтами, которые писали в разные периоды развития российского общества. Предметом изучения явились пословицы и поговорки, именуемые термином «паремии». Методом сплошной выборки были отобраны пословицы и поговорки из художественных произведений русских писателей и поэтов XIX–XX веков, в частности из поэтических текстов А. А. Ахматовой. В процессе изучения паремий был проведён их семантический, контекстуальный и функциональный анализ, в ходе которого были выявлены основные функции паремий: характерологическая, эмоциональная, аксиологическая, эвфемистическая, функция стилизации речи персонажа. Установлено, что паремии используются главным образом в речи персонажей, как в узуальной, так и в изменённой формах, демонстрируя социальный тип героя, его темперамент, отношение к жизни. Употребляясь в речи героев, паремии свидетельствуют об их мудрости, жизненном опыте, а также о трудностях крестьянской жизни и их преодолении человеком, что является традиционной ролью паремий в художественной и разговорной речи. Продемонстрировано, что паремии в текстах разных писателей часто получают контекстуальный смысл, в чём проявляется новаторство писателей в употреблении паремий, что, в свою очередь, свойственно художественным текстам при решении автором определённых задач.

Ключевые слова: паремия; пословица; поговорка; семантика; прозаический текст; стихотворный текст; коннотация; контекст; функция

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беглова, Елена Ивановна

E-mail: beglova-elena@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0002-3208-0549

Доктор филологических наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи

Для цитирования: Беглова Е. И. Роль паремии в художественных текстах разных исторических периодов // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Том 11, № 1. С. 88-101.

Введение

Прежде всего необходимо определить понятие «паремия». В современной лингвистике термином *паремия* большая часть исследователей фразеологических средств языка в узком смысле называет пословицы и поговорки как народные изречения (афоризмы). Именно пословицы и поговорки содержат нравоучительный смысл, базируясь на народном опыте и мудрости, накопленных народной культурой на протяжении эпох.

В работе Н. Н. Семененко дано следующее определение *паремии*: это афоризмы народного происхождения, имеющие краткую форму, обладающие воспроизводимостью значения [1, с. 240]. Справедливо отмечено, что в основе паремии лежат законченные по смыслу и структуре суждения, они обычно имеют форму предложения, поэтому обладают синтаксической членимостью [Там же. С. 242]. Они не нуждаются в доказательстве, включаются в речь как целостные смысловые и структурные единицы. Именно такого определения мы будем придерживаться в понимании *паремии*.

Следует уточнить наше понимание *пословицы* и *поговорки*, составляющих понятие *паремии*. В словарях лингвистических терминов *пословица* определяется как устойчивое законченное по смыслу и структуре изречение, воспроизводимое по памяти, отражающее мировоззренческие или нравственные представления русского народа, его опыт [2, с. 88]; *пословица* – это законченное изречение, имеющее назидательный смысл, характеризующееся особым ритмо-интонационным и фонетическим оформлением [3, с. 341; 4, с. 222]. *Поговорка* – это устойчивое воспроизводимое изречение, уточняющее характеристику какого-либо явления; конкретный смысл она приобретает в контексте [2, с. 84]; образное иносказательное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление, лаконичное по форме, в отличие от пословицы, поговорка не имеет прямого поучительного смысла, с чем связана её синтаксическая незаконченность [3, с. 328; 4, с. 211]. Итак, определив терминологически и семантически основные понятия, обратимся непосредственно к их функционированию в художественных текстах разных видов, жанров в определенные исторические периоды.

Методы исследования

При выявлении семантики и функций паремии в художественных текстах разных периодов, а также в современных публицистических текстах нами использовались следующие методы: семантический, описательный, метод синонимической аналогии (при компонентном анализе языковой формы паремии), компонентного анализа, а также лексический, стилистический и коммуникативно-прагматический анализ паремий.

Результаты исследования

Отобразив ряд паремий (пословиц и поговорок) из прозаических и частично поэтических художественных произведений разных исторических периодов, мы обратились к изучению их контекстуального смысла в сравнении с узуальным, а также к определению их функций во фрагментах текста, то есть в конкретном контексте.

Следует отметить тот факт, что пословицы и поговорки являлись предметом изучения в ряде научных статей с разных точек зрения, например, Н. Л. Лумповой и Н. В. Рыжовой при выявлении национально-культурной доминанты в произведениях Н. С. Лескова [5, с. 57–59].

По нашему мнению, функциональный и семантический анализ паремий в художественных текстах даёт возможность проследить статику и динамику в употреблении языковых единиц, входящих в речевое ядро русской народной культуры, демонстрируя самобытность русского языка с позиций фольклора, содержащего народный опыт и мудрость русского народа. Обратимся к поэтическим стихотворным текстам.

Наш текстовый и языковой материал показал, что в поэтическом тексте паремии встречаются редко. Так, в стихотворениях и поэмах русской поэтессы первой половины XX века А. А. Ахматовой [6] методом сплошной выборки мы обнаружили всего две паремии.

1. Тишь да гладь, Божья благодать:

*Я с тобой не стану пить вино,
Оттого, что ты мальчишка озорной.
Знаю я – у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.*

**А у нас – тишь да гладь,
Божья благодать.**

*А у нас – светлых глаз
Нет приказу подымать* (кн. «Чётки», 1913) [6, с. 90].

В данном контексте паремия, данная в узуальной форме (языковой), участвует в создании семантической оппозиции «у вас» (сторона лирического героя) – «у нас» (сторона лирической героини), усиливая превосходство покоя и благополучия, нравственности на стороне героини в семантическом поле «у нас».

2. Время сеять... Эта паремия используется в трансформированном и усечённом виде, что позволяет адресату самому домыслить, ассоциируя ключевое словосочетание из поговорки с известными пословицами и поговорками, включающими эти же лексические компоненты, порождая при этом новый смысл:

*Песня о песне
<...> И злomu сердцу станет жаль
Чего-то. Грустно будет.
Но эту лёгкую печаль
Оно не позабудет.*

Я только сею. Собирать

Придут другие. Что же!

И жниц ликующую рать

Благослови, о боже! <...> (кн. «Белая стая», 1916) [6, с. 104].

В контексте угадывается поговорка **сеять добро**, по смыслу противопоставляемая злу, и это добро увидят позже другие – *жниц ликующая рать*. В словарях русских пословиц и поговорок можно найти синонимичные пословицы: 1. *Добро сеять – добро пожинать*. 2. *Что посеешь, то и пожнёшь*. 3. *Кто в пору сеет, семена*

не теряет. 4. Своё добро сею, вею, чужое – жну, пожинаю [7, с. 625]. 5. Сеять доброе, вечное... Все они на основе общих фоновых знаний адресанта и адресата ассоциируются с добром или злом, но в любом случае эти константы культуры, составляющие семантическую оппозицию **добро – зло**, характерны для жизни человека, которому придётся либо столкнуться со злом и противодействовать ему, либо увидеть добро и порадоваться ему.

Как показывают наши наблюдения над фразеологией художественных текстов разных видов и жанров (стихотворений, рассказов, повестей), в большей мере паремии используются в прозаических произведениях, в которых отражается жизнь народа в разные периоды развития российского общества. Проследим функционирование паремий в повестях русского писателя XIX века П. И. Мельникова (Печерский А., 1818–1883), в своё время подробно описавшего в своих произведениях быт и особенности жизни старообрядцев. В его повестях, рассказах и очерках наряду с устаревшей лексикой и фразеологией часто используются также паремии. Как правило, они наблюдаются в речи персонажей. Проанализируем ряд контекстов с целью установления смысла и роли паремий.

– Хорошая икра. Чтобы тебе, Маркелыч, такую держать? – сказал Антон Михайлыч стоявшему у притолки городскому голове. <...>

– Неисходно будет, ваше высокородие. Сами изволите знать, какой здесь расход.

– Мы бы стали брать, вот Степан Васильич, Алексей Петрович, Иван Семеныч, все...

– Нет уж, увольте, ваше высокородие. Ей богу, неисходно.

Прав был голова: неисходно было ему хорошую вещь в лавке держать. Икра за прилавком не залежалась бы, в день либо в два расхватали б её «благородные» – на книжку. А это значит: «Пиши долг на двери, а получка в Твери» («Именинный пирог») [8, с. 208].

Пословица **Пиши долг на двери, а получка в Твери** в контексте употребляется в значении «покупать что-либо в долг, сразу не оплачивая, а записывая этот долг в специальную тетрадь», а когда сможет расплатиться покупатель, этого продавец не знает. Пословица эфемизирует поведение «благородных» чиновников, которые, пользуясь своим социальным превосходством, не желают сразу оплачивать покупку, а оплату откладывают на неопределённый срок, поэтому персонаж, исходя из собственного опыта, иносказательно озвучивает своё мнение, используя известное всем изречение.

Или паремии и фразеологизмы отражают накопленный житейский опыт, мудрость героя. Например, ими наделена речь старца Анисима Прокофьяча, прожившего долгую трудную жизнь, много повидавшего и по-своему оценивающего современные ему события, лица.

«<...> Мужики ли, бывало, у кого разбегутся, деревню ль у кого судом оттягают, пропьётся ли кто из помещиков, промотается ли, всяк бывало, в Заборье на княжьи харчи. Опять барыни-приживалки, барышни: этих тоже штук по тридцати водилось. Уж именно дом был как **полная чаша**. А сам от-князь какой был барин! Такой, сударь, важности, что теперь **весь свет исходи, днём с огнём не сыщешь**... И всё-то прошло, всё-то миновалось!.. Да, сударь, стары годы были годы золотые, были

они, сударь, да и прошли, [8, с. 21], прошли и не воротятся. **Красно лето два раза в году не живёт.**

А куда какво давно тому времени, как в Заборье-то было житье-бытье раздольное да привольное! Мне теперь десятый десяток идёт, а в ту пору и тридцати годков не было, как **батюшки-то нашего, князя Алексея Юрьича** не стало. А скончаться изволил лет семидесяти без малого... Да я уж что за жизнь застал? Тогда уж князь-от в немилости был, в опале, то есть, а вот как, бывало, родитель мой – **дай ему бог царство небесное, а вам добро здоровье** – порасскажет про те годы, как князь-от Алексей Юрьич в настоящей своей поре был и в Питере «во-времени» находился, а в Заборье бывал только наездами, так вот тогда точно что жизнь была золотая. И умирать не надо было!» («Старые годы. Прокофьич») [8, с. 21–22].

Пословица **Весь свет исходи, днём с огнём не сыщешь** передаёт высокую, мелиоративную оценку старцем князя Алексея Юрьевича, которому служил ещё его отец. Пословица **Красно лето два раза в году не живёт** имеет поучительный смысл: то, что было хорошим в прошлом, уже не возвратится, надо было его ценить; время невозможно вернуть, поэтому не повторится и то, что было *благополучным, радостным*; именно эти коннотации содержит словосочетание *красно лето*. Поговорка **Дай ему бог царство небесное, а вам добро здоровье** свидетельствует о речевом этикете прошлой поры, являясь речевой формулой-пожеланием усопшим и живым, в целом об этикете общения.

Следует заметить, что в речи персонажей в произведениях П. И. Мельникова паремии нередко выполняют аксиологическую функцию. Например, создают пейоративную оценку: **Человек как гусь: летает высоко, а садиться не умеет:**

<...> – То-то и есть, – скажет тут князь, – ты как гусь: **летаешь высоко, а садиться не умеешь, вот и дождался** <...> (князь наказывал побоями своих подопечных, которые, помимо его воли, обращались в суды – Е. Б.) («Старые годы. На Яромонке») [8, с. 30]. В рассказе «Именинный пирог» (1858) в речи персонажа Ивана Семёновича – именинника – используется несколько паремий:

<...> – **Вон все пошли!** – крикнул я.

Остался один перед «Утром», разглядывать стал... *Бес и ну смущать... Глаза масляные, с поволокой, зубы белые, сама дородная; смугла, зато грудиста, а волосы смоль, как есть смоль чёрные. Гляжу-гляжу, а сам чувствую, как грех-от на душу лезет. Мурашки по спине...<...>* «Греховодник ты, греховодник, Карл Иваныч! Вот оно, **в тихом-то болоте черти живут**. Тихоня, скромник, бывало, на курносую, рябую стряпку взглянет, так весь зардеет, а вот чем занимается!..» [8, с. 214–215].

Речь идёт о картине, которую для уездного стряпчего Ивана Семёновича Хоринского нарисовал немец Карл Иванович под названием «Итальянское утро», изобразив дородную даму, а персонаж, Иван Семёнович, оценивает немца-художника с позиций его отношения к женщинам, называя его «греховодником».

В приведённом контексте пословица **В тихом-то болоте черти живут** представляет собой трансформированную узуальную пословицу *В тихом омуте черти водятся*, зафиксированную в словаре ходячих и метких слов М. И. Михельсона [9, с. 60]. В контексте представлен синонимический вариант, построенный на замене лексических компонентов. Далее в этом же рассказе:

Жену кой-как усовестил, резоны ей представлял всякие: даровому-де коню, матушка, в зубы не смотрят, а тебе, говорю, опасаться нечего, девка не живая» [8, с. 215].

Узуальная (языковая) пословица **Даровому (дарёному) коню в зубы не смотрят** отражена в словаре пословиц и поговорок В. П. Жукова в значении «не выражают недовольства подаренной или доставшейся даром вещью» [10, с. 408]; аналогичная семантика пословицы наблюдается в данном контексте. Таким образом, в художественных произведениях П. И. Мельникова-Печерского пословицы наблюдаются в речи персонажей, которые представляют разные социальные слои: чиновники, старцы, крестьяне. Паремии в речи отражают мудрость персонажа или эффемизируют общение с учётом социального статуса.

В повестях и рассказах другого русского писателя, публициста, литературного критика XIX века Н. С. Лескова (1831–1895) также частотны пословицы и поговорки, которые, как правило, включены в речь персонажей, имеющих большой жизненный опыт. Приведём пример из повести «Грабёж» (1887). В речи дяди Ивана Леонтьевича, приехавшего из Ельца в Орёл за певчим дьяконом, которого надо было ещё найти и уговорить поехать в Елец, пословицы и поговорки являются средством характеристики его энергичного живого темперамента, как человека-балагура, а также демонстрации его удали, жизненного опыта.

– Эх, вы, – говорит, – вороны-сударыни, купчихи орловские! У вас и город-то не то город, не то пожарище – ни на что не похож, и сами то вы в нём все, как копчужки в коробке, заглохли! Нет, далеко вам до нашего Ельца, даром что вы губернские. Наш Елец хоть уезд-городок, да Москвы уголок, а у вас что и есть хорошего, так вы и то ценить не можете. Вот мы это самое у вас и отберём [11, с. 389]. Выделенная в контексте пословица содержит высокую оценку персонажем его небольшого города, который по своим достопримечательностям, достоинствам рассматривается им как часть столицы. Изречение имеет интонационно-ритмическую форму, а в речи героя она приобретает эмоциональную коннотацию гордости, от того, что он живёт в Ельце, а не в Орле, куда он был вынужден приехать по надобности: найти лучшего певчего дьякона и переманить его в Елец.

Или, обращаясь за помощью к мальчику Мише, своему племяннику, он также использует в речи пословицу с целью подтолкнуть племянника к совершению поступка – двинуться в путь вместе с ним (дядей) на поиски певчего дьякона, несмотря на запрет матери уходить из дома:

– Маменька не позволяет.

– Вот так дело! А как ты думаешь: родной дядя всегда может во всём племянником руководствовать али нет? Разумеется, может. Одевайся же сейчас и пойдём во все следы, пока дойдём до беды [11, с. 389]. Поговорка используется как ускоритель действий для мальчика, а также характеризует речевой тип дяди, человека, речь которого насыщена поговорками, пословицами и фразеологизмами, свидетельствующими о том, что он человек, умудрённый опытом, владеющий слово так, что может убедить своего собеседника в том, в чём заинтересован.

Следующий фрагмент этой же повести содержит пословицу, употребленную в речи матери. Ситуация такова: дядя подарил племяннику Мише серебряные часы с жёлтым корпусом, по поводу чего критично высказалась его тетя, которой не по-

нравились часы, потому что они серебряные, а ободок жёлтый, а, по её мнению, часы должны быть полностью либо серебряными, либо золотыми. «Маменька» же по-другому отнеслась к этим часам. *Но маменька помирили, что даровому коню в зубы не смотрят, и опять сказали: «Поди в свою комнату и повесь над кроватью»* [Там же. С. 392]. Пословица, встречающаяся в рассказе П. И. Мельникова «Именинный пирог», употребляется в повести Н. С. Лескова «Грабёж» в значении «всякому подарку радоваться надо, а не упрекать дарителя за то, что не то подарил». Таким образом, в речи матери паремия используется для эвфемизации общения, для предупреждения возникновения спора между тётей и племянником Мишей по поводу часов, подаренных ему дядей из Ельца.

После неприятного происшествия, случившегося ночью с дядюшкой и племянником, которые отобрали часы у случайных прохожих в произошедшей в темноте и неразберихе драке, приняв их за грабителей и думая, что это их часы, тётушка и матушка не могли простить им этого, назвав их «грабителями»: *Дядюшка обиделся, но матушка оставила его без внимания, и опять ко мне: «Берегла сынка столько лет в страхе божием, а он вот к чему уготовился: **татъ не татъ, а на ту же стать...** Теперь за тебя после этого во всём Орле ни одна путная девушка и замуж не пойдёт, потому что теперь все, все узнают, что ты сам подлёт»* [Там же. С. 404].

В словарях русских пословиц мы не находим аналогичную паремию, но в словаре пословиц В. И. Даля фиксируется поговорка (скороговорка) с устаревшим словом *татъ* – вор: *Татем у татя перекрадены утята* [12, с. 319]. В приведённом выше контексте поговорка используется в значении «не вор, но повёл себя так, как вор» с эмоциями упрека и раздражения. Таким образом, в рассказах и повестях Н. С. Лескова паремии выражают эмоции персонажей, служат средством их характеристики (характерологическая функция), а также смягчают поведение персонажей в общении по какому-либо поводу (эвфемистическая функция).

Приведём примеры употребления паремий в прозаических художественных текстах первой половины XX века, обратившись к творчеству русского советского писателя С. Н. Сергеева-Ценского (1875–1958). Прежде всего мы обнаружили редкие пословицы, которые не зафиксированы в словарях русских пословиц, хотя в соответствии с определениями пословиц и поговорок они являются таковыми. Например, в прозаической поэме «Лесная топь» (1905):

– *Это я к тебе вышла, жалко стало, – объяснила Антонина.*

Зайцев подумал, поверил и опешил.

– *Ко мне? Чего ко мне?.. Жалко стало... Угу... **Жалел волк кобылу, оставил хвост да гриву...** Ко мне!* [13, с. 75.] В данном контексте с помощью пословицы герой предупреждает женщину об опасности, которая может исходить от него, одновременно устанавливая с ней контакт и смягчая свою угрозу. В словаре пословиц мы находим лишь синонимичную пословицу с ключевыми лексическими компонентами *волк* и *конь* (*лошадь, кобыла*): *Волк коню не товарищ* [10, с. 70].

Или в его прозаической поэме «Движения» (1909–1910):

– *В турецкую кампанию маркитантом пошёл, – сено в кавалерию поставлял, – Семнадцать тысяч заработал, как сказать, в Бессарабской губернии пять тысяч десятин земли в аренду взял... мальчишка, **клянусь вам богом, двадцать чептыре года было...** А-ах, обчистили же меня, во-от **общипали**, как сказать, – как...*

как гуся орёл! До единственного пёрышка все – голенький в один год, верите ли!.. [13, с. 259]. Поговорка **Общипать как гуся орёл** употребляется в данном контексте в значении «забрать незаконно или путём обмана всё имущество у кого-либо, всё, что он имел». Заметим, что в словаре русских пословиц и поговорок паремия не отражена.

Ещё один пример из этой же поэмы:

– За солому, – говорил прокурор, – если бы сгорела она вся, как и предполагал подсудимый, он должен был бы получить страховых денег тысячу шестьсот рублей. Деньги для него, пожалуй, и небольшие, но ... «курочка по зёрнышку собирает, и то сыта бывает» [Там же. С. 319].

Пословица **Курочка по зёрнышку собирает, и то сыта бывает** используется в узуальной форме и значении, зафиксированном в словаре русских пословиц в значении «довольствоваться чем-либо в малом количестве или малым, которое приведёт к большому» [10, с. 433].

Наши наблюдения за паремиями в художественных текстах показали, что наиболее часто паремии встречаются в произведениях второй половины XX века, которые относятся к «деревенской прозе», так как они отражают крестьянской жизненный уклад, опыт, речь и характеры персонажей. Паремии служат не только средством речевой характеристики персонажей, но и средством создания эмоционального тона в общении друг с другом. Следует заметить, что отмечается большое количество паремий в текстах писателей деревенской прозы XX века В. П. Астафьева и Ф. А. Абрамова. Продемонстрируем сказанное примерами и проанализируем паремии в конкретных контекстах из произведений названных писателей. В повести В. П. Астафьева «Последний поклон» (1968–1993) (повесть состоит из трёх книг, в каждой из которых несколько глав, представляющих собой отдельные рассказы и короткие повести, о чём писал сам В. П. Астафьев [14, с. 461–462]) паремии часто встречаются в речи персонажей, которые являются сельскими жителями. Приведём пример из рассказа названной повести «Зорькина песня»:

– Зорька поёт! Зорька поёт! – закричал и запрыгал я.

– Зорька поёт, значит, утро идёт! – пропела благостным голосом бабушка, и мы поспешили навстречу утру и солнцу, медленно поднимающемуся из-за увалов [Там же. С. 25]. В речи пожилой женщины («бабушки») используется пословица, запечатлевшая народное наблюдение за птицами и их соотношением со временем суток. Для «бабушки» (героини) важно это раннее время, когда целый день впереди и можно многое успеть сделать того, что необходимо.

Наблюдается паремия и в речи другого героя – большого мальчика, переживающего за то, что кошка нашла в гнезде и съела птенцов маленькой птички-мухоловки, той самой птички, которая воспринималась большим мальчиком такой же одинокой и несчастной, как он сам наедине со своей болезнью, спрятавшийся в заросшем травой уголке в конце огорода.

Я засыпал под тихий, неслышный дождь и думал о том, что хорошо бы посадить на «моей земле» дерево. Выросло бы оно большое-пребольшое, и птичка свила бы на нём гнездо. Я закопал бы плоды шипицы под деревом – шипица – дерево ханское – платье на нём шаманское, цветы ангельски, когти дьявольски – попробуй

сунься, кошка! («Деревья растут для всех») [Там же. С. 27]. Пословица в речи мальчика передаёт его эмоции: радость от того, что кошка не сможет достать гнезда и съесть птенцов, так как дерево, несмотря на свою притягивающую красоту, может уколоть иголками и защитить птенцов. Это ритмико-мелодическое, метафорическое изречение, представляющее собой игру со словом: *цветы ангельски, когти дьявольски* – в одном дереве слились противоположные явления, дерево красиво и одновременно опасно. Дерево – загадка, важное в жизни дерево – это мечта мальчика. Мальчик всё же осуществил свою мечту, посадив «росточек с коричневым стебельком и двумя блестящими листками», решив, что это «боярка», и начал за ним ухаживать. Но это растение оказалось, по словам бабушки, «дикой гречкой», что разочаровало мальчика. Однако, чтобы успокоить внука, бабушка принесла из леса маленький саженец лиственницы: *«Деревце было с цыплёнка величиной, охваченное жёлтым куржаком хвои»* («Деревья растут для всех») [Там же. С. 29].

– Баб, а оно большое вырастет?

– Кто?

– Да дерево-то моё?

– А-а, дерево-то? А как же?! Непременно большое. Лиственницы маленькие не растут. Только деревья, батюшко, растут для всех, **всякая сосна в бору красна, всякая своему бору и шумит** («Деревья растут для всех») [Там же]. В данном контексте пословица очень значима по смыслу: она знакомит мальчика с тем, что одно дерево не вырастет и не будет красивым, нужным, ему необходимо, чтобы рядом были другие деревья, как и человеку трудно быть одному, ему нужны другие люди, чтобы жить благополучно. И это знание бабушка передаёт как лично свой и как народный опыт, свойственный общению людей; это относится и к лесу, который предназначен не для кого-то одного, а для всех. В речи бабушки паремии используются часто, демонстрируя её мудрость, личный и народный опыт, связанный как с трудностями крестьянской жизни, так и с взаимодействием людей:

– Нет, робята, – вмешалась в разговор бабушка, **деньгами коня не купишь, токо удачей...**

На этом и утешились, про коней говорить перестали, на сено перешли. Кольча-младший сказал:

– Сена лесные едкие, хватило бы до весны. А ну, как прикупать придётся?

– **Купило притупило!** – снова вмешалась в разговор бабушка. – *Соломы с заимки подвезём и обойдёмся* («Запах сена») [Там же. С. 47]. Поговорка **Купило притупило** в контексте означает «невозможность купить сено, так как на это нет денег». Пословица и поговорка запечатлели крестьянские трудности, связанные с приобретением коня, который является главной опорой человека при выполнении тяжёлой крестьянской работы в деревне.

Как уже отмечалось, в художественных произведениях, посвящённых жизни деревни, наиболее часто писатели включают паремии в речь персонажей, где они имеют не только узуальный, но и нередко приобретают контекстуальный смысл или разного рода коннотации (смысловую, эмоциональную, оценочную). Обратимся к произведениям еще одного русского писателя XX века – Ф. А. Абрамова

(1920–1983), в частности к его произведениям второй половины XX века: повестям «Деревянные кони» (1969), «Пелагея» (1967–1969), «Алька» (1971).

Следует заметить, что в повестях и рассказах Ф. А. Абрамова отражаются проблемы, которые волнуют героев, они живут ими здесь и сейчас. Известно, что к малым эпическим жанрам – повести и рассказу – писатель обращался часто, так как они позволяли ему использовать исповедь героя, включая и размышления автора. Как правило, его герои – это жители северной деревни, труженики, много повидавшие и испытавшие в своей жизни [15, с. 5–16]. При этом речь героев характеризуется живым народным словом, она включает просторечную, диалектную лексику, фразеологизмы и паремии. Приведём фрагменты текстов из рассказа «Деревянные кони» (1969):

– *А где же гости? <...>*

– *А гости **были да сплыли**, – весёлой скороговоркой ответила Евгения («Деревянные кони»)* [16, с. 22]. Поговорка *Было да сплыло* в аналогичном значении «в данный момент нет кого-то/ чего-то» наблюдается в словаре М. И. Михельсона [17, с. 84].

Героиня рассказа Евгения рассказывает о жителях деревушки из семи домов – Пижмы, – которые суровы нравом и не имеют представления о культуре общения и поведения, давая характеристику «с какой-нибудь придурью да забавой» каждому мужику.

– *Все у них тут такие. **По каждому кутузка плачет** («Деревянные кони»)* [16, с. 27].

Поговорка фиксируется во фразеологических словарях русского языка с вариантностью лексического компонента *острог*: **Тюрьма (острог) плачет по ком** – кто-либо заслуживает наказания, тюремного заключения [18, с. 484]; в поговорке наблюдается узуальный смысл, но используется просторечный синоним *кутузка* для усиления отрицательной оценки, которую даёт героиня мужикам деревни.

– *<...> Верно она говорит: не было у меня молодости. И по-нонешнему сказать, не любила я своего мужа...* (речь старухи Василисы Милендьевны – Е. Б.)

– *Ну вот, – не без злорадного торжества воскликнула Евгения, – призналась! А я рта не раскрой. Всё не так, всё не ладно.*

– *Да ведь **когда по живому-то месту пилят, и старое дерево скрипит**, – ещё примирительней сказала Милендьевна («Деревянные кони»)* [Там же. С. 28].

Пословица в речи пожилой женщины-страдалицы Василисы Милендьевны **Когда по живому месту пилят, и старое дерево скрипит** имеет назидательный смысл: «когда долго напоминать кому-либо о тяжёлом прошлом, ему второй раз с болью приходится пережить это прошлое».

Некоторые паремии имеют узуальную форму и семантику, например, в речи героини Евгении:

– *В пижме все носят одну фамилию – Урваевы. И Мирон Оникович, мой свёкор-батьюшко, тоже урвай. Да ещё урвай-то какой. Другой бы на его месте после такой истории знашь как повёл себя? **Тише воды, ниже травы**. А это такая поперечина – за всё взыск («Деревянные кони»)* [Там же. С. 30].

Поговорка **Тише воды, ниже травы** в аналогичных смысле и форме отражена в словаре образных выражений М. И. Михельсона [19, с. 372].

– *Ох мама, мама... Хотела как лучше, а принесла беду. Ведь их покулачили, когда зачались колхозы...*

Я не охнул и не ахнул при этих словах. Кого в наше время удивишь этой старой-престарой сказкой про щепки, которые летят, когда лес рубят! («Деревянные кони») [16, с. 37].

В данном контексте трансформирована форма пословицы: изменена синтаксическая структура при сохранении узуального смысла: **Лес рубят, щепки летят** – не бывает дела без ошибок, жертв [10, с. 159].

Приведём ещё примеры употребления паремий в повести «Пелагея» (1967–1969).

– *Не защищай! Сама виновата. По заслугам и почёт...* («Пелагея») [16, с. 53].

Используется часть узуальной пословицы **По заслугам и почёт** – кто что заслужил, то и получает: **По привету ответ, по заслуге почёт** [12, с. 443], которая в словаре М. И. Михельсона зафиксирована в сокращённой форме [19, с. 68].

Или: – *А пушай, что хошь, то и говорят, – ответила Пелагея. – Умный человек не осудит, а на глупого я век не рассчитываю* («Пелагея») [16, с. 53].

Пословица **Умный человек не осудит, а на глупого век не рассчитываю** содержит поучение: рассчитывай на понимание умных и мудрых людей, а не на завистников, равнодушных и глупых.

Как показал наш текстовый материал, в произведениях Ф. А. Абрамова паремии используются в основном в речи персонажей, сохраняя узуальный смысл, реже в – изменённой форме. При этом паремии соответствуют стилю речи конкретного персонажа, который употребляет изречения, запечатлевшие в своём содержании народную мудрость, жизненный и крестьянский опыт. Паремии являются средством речевой стилизации.

Обсуждение: выводы и рекомендации

Подводя итоги нашего исследования паремий в художественных произведениях разных исторических периодов и видов, можно утверждать следующее.

В стихотворных поэтических текстах паремии встречаются редко и выполняют при этом авторские художественные задачи: стилизация речи лирического героя, придание разговорности тексту, усиление его диалогичности, редко – создание семантических оппозиций для охвата пространства, времени или самих героев.

В прозаических поэмах, рассказах, повестях паремии употребляются главным образом в речи персонажей, выполняя характерологическую функцию, то есть демонстрируют народный характер речи (речь в разговорном стиле), темперамент героя, его социальный тип (старец, балагур, опытный в чём-либо человек и пр.), склад характера.

Часть паремий выполняет в текстах аксиологическую функцию, а именно: с помощью паремии создаётся мелиоративная или пейоративная оценка кого-либо или чего-либо (о чём /о ком говорят персонажи).

В речи персонажей паремии по-особенному выполняют эмоциональную функцию, способствуя выражению их эмоций в конкретных ситуациях, в которых оказываются герои.

Редко паремии выполняют эвфемистическую функцию, в частности, когда персонаж старается соблюсти нравственную и социальную дистанцию в споре, конфликте и деликатно уходит в сторону от разговора, желая его прекратить. Такое свойство пословицы, как назидательность, поучение, также используется для эвфемизации взаимодействия персонажей.

Перечисленные функции паремии выполняют у разных писателей разных эпох, в чём мы видим соблюдение традиций (статика) в употреблении паремий.

Если говорить о традициях и новаторстве в использовании паремий писателями разных эпох, то мы выявили, что паремии используются как в узуальной, так и в изменённой формах при сохранении смысла (традиция) и его контекстуальном обновлении (динамика, новшество). Часто в контексте паремии приобретают смысловые и эмоциональные коннотации, связанные с ситуациями, в которых оказываются герои произведений.

Часть изученных нами паремий не фиксируется в современных словарях русских пословиц и поговорок, фразеологизмов, они редко встречались в современной разговорной речи, в основном они актуальны в художественных произведениях конкретного времени (XIX в., начало XX в.), словари же в большей мере ориентированы на речевой материал разговорной речи.

Можно говорить о необходимости более активного изучения паремии в рамках идиостилей писателей и поэтов, что уже наблюдается в современной идиостилистике.

Ссылки

1. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология. М.: Флинта, Наука, 2009. 344 с.
2. Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995. 175 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
4. Розенталь Д. Э, Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
5. Лумпова Н. Л., Рыжова Н. В. Лексические и лексико-фразеологические средства создания национально-культурной доминанты в прозе Н.С. Лескова (малые формы 1870-1880 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. № 4. С. 52–60. EDN REVWWN.
6. Ахматова А. А. Не тайны и не печали: Стихотворения. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1988. 464 с.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник в 3-х томах. Т. 2. М.: Русская книга, 1993. 704 с.

8. Мельников П. И. (Печерский А.) Старые годы. Рассказы и очерки / Сост. и примеч. А. А. Макарова. М.: Московский рабочий, 1986. 544 с.
9. Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: ТЕРРА, 1997. 624 с.
10. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 5-е изд-е., стер. М.: Русский язык, 1993. 537 с.
11. Лесков Н. С. Рассказы и повести. М.: Художественная литература, 1982. 496 с.
12. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник в 3-х томах. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. 640 с.
13. Сергеев-Ценский С. Н. Повести и рассказы. В двух томах. Т. 1. (1902–1912). М.: Художественная литература, 1975. 528 с.
14. Астафьев В. П. Собрание сочинений в шести томах. Т. 3. Последний поклон. Кн. 1–2. М.: Молодая гвардия, 1992. 462 с.
15. Галимов Ш. Дума о народе. Вступ. ст. // Абрамов Ф. А. Повести и рассказы. Серия «Русский Север». Архангельск: Вологда: Сев-зап. кн. изд-во Вологодское отделение, 1985. С. 5–16.
16. Абрамов Ф. А. Повести и рассказы. Сер. «Русский Север». Архангельск: Вологда: Сев-зап. кн. изд-во Вологодское отделение, 1985. 380 с.
17. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В двух томах. Том I. М.: ТЕРРА, 1997. 800 с.
18. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
19. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В двух томах. Том II. М.: ТЕРРА, 1997. 832 с.